

ДВА ДНЯ ВЪ КРОНШТАДТѢ.

(Изъ дневника студента) ¹⁾.

III.

Почти въ четыре часа утра мы были уже на ногахъ. Въ другомъ мѣстѣ съ трудомъ бы встать въ такой ранній часъ, съ болью въ головѣ и удручающимъ настроеніемъ. А здѣсь мы вскочили бодрые, веселые, оживленные, какъ будто бы спали очень долгое время. Помолвившись, мы отиравились къ утрени. По улицамъ намъ встрѣчались тамъ и здѣсь кучки народа, спѣшившаго съ своихъ квартиръ въ соборъ, словно это былъ какъ бы какой условленный сборный пунктъ. Не смотря на то, что до начала утрени оставалось времени почти еще часъ, въ храмѣ уже было очень много народа. Каждый спѣшилъ придти раньше, чтобы попасть въ церковь и занять получше мѣсто, ближе къ солеѣ и рѣшеткѣ, чтобы отсюда можно было все хорошо видѣть и слышать. Намъ уже съ большими затрудненіями провели въ алтарь. Къ началу утрени громадный храмъ, вмѣщающій въ себѣ болѣе пяти тысячъ человекъ, былъ совершенно полонъ народомъ. Пѣвчіе были на клиросѣ, собрались и соборные священнослужители. Не было только о. Иоанна. Всѣ, конечно, съ нетерпѣніемъ ожидали его. „Пріѣхалъ, пріѣхалъ“, — зашептали въ алтарѣ собравшіеся здѣсь въ довольно большемъ количествѣ различные привеллигированные посѣтители „батюшки“. Наконецъ вотъ и опъ. О. Иоаннъ вошелъ въ храмъ чрезъ боковыя двери, сдѣланныя въ алтарѣ. До храма его обыкновенно довозятъ на самой быстрой лошади, чтобы народъ не могъ остановить и задержать

¹⁾ Продолженіе. См. Богосл. Вѣстн., январь, стр. 96—119.

въ пути. У дверей храма находятся особенные приставники, которые стараются дать о. Иоанну возможность скорѣе пробраться среди народа въ храмъ. Если бы о. Иоаннъ входилъ въ храмъ западными дверями черезъ народъ, то ему, кажется, никогда бы не добраться до алтаря. Для прохода о. Иоанна въ алтарь, вдоль стѣны рѣшеткой въ длину всего храма, отгораживали особое мѣсто. Но и это мало помогало, такъ какъ его и здѣсь постоянно останавливали. Разсказывали, былъ однажды такой случай. О. Иоаннъ хотѣлъ кого то благословить черезъ рѣшетку, когда проходить въ алтарь этимъ мѣстомъ. Тотчасъ схватили его руку и начали ее покрывать поцѣлуями, передавая другъ другу. „Передай мнѣ, передай мнѣ“,—слышалось въ народѣ. Если бы силою не отбили о. Иоанна у народа, то трудно сказать не только о томъ, когда бы онъ пришелъ въ алтарь, но и о томъ, въ какомъ бы видѣ онъ туда пришелъ. Извѣстно по крайней мѣрѣ, что дважды ему кусали палець до крови съ явнымъ намѣреніемъ откусить его совершенно или на память, или какъ святыню. Разсказываютъ, что иногда отрывали части даже отъ его одежды.

О. Иоаннъ поразилъ меня съ перваго раза. Средняго роста, подвижный, бойкій, лицо озабоченное и строгое, показалось мнѣ. Видно было, что это не обыкновенный человѣкъ, похожій на многихъ людей, которыхъ мы встрѣчаемъ почти на каждомъ шагу. Слушая его распоряженія, можно было назвать его человѣкомъ рѣзкимъ и пожалуй грубымъ. Взойдя въ алтарь, онъ началъ радушно привѣтствовать сначала своихъ сослуживцевъ, а потомъ „счастливицевъ“, имѣвшихъ возможность видѣть его такъ близко. Въ числѣ послѣднихъ были и мы. „А здравствуйте, братцы, здравствуйте!“,—такъ говорилъ онъ, обращаясь къ намъ. Подходя къ нему подъ благословеніе съ страхомъ и смущеніемъ, мы и не думали о лобзаніи. „Давайте по-братски, давайте по-братски, по-братски лучше“,—говорилъ добрый батюшка, и благословляя насъ, цѣловать каждаго изъ насъ. Все дѣлать онъ снѣжно и быстро. Поздоровавшись съ нами, онъ облачился въ ризы краснаго цвѣта и началъ утреню. Говорятъ, красный цвѣтъ — его любимый цвѣтъ. Все съ большимъ вниманіемъ слѣдили за каждымъ его движеніемъ. Все находили въ немъ необыкновеннымъ.

Всѣхъ поражали прежде всего его возгласы. Онъ произносилъ ихъ отрывисто, рѣзко, громко, подчеркивая извѣстныя слова и придавая каждому изъ нихъ особенный смыслъ и значеніе. Это не обыкновенное наше произношеніе — монотонное, пѣвучее, мертвенное, а живое, глубокое, полное смысла и одушевленія. Видно по всему, что это слово льется изъ глубины чистой, глубоко вѣрующей души. Это слово—плоть, слово — жизнь, слово — дѣйствіе. И молился онъ также необыкновенно. Въ пылу религіознаго увлеченія и восторга, онъ иногда совершенно оставлялъ крестное знаменіе. Онъ или только кланялся или, сложивъ руки на груди, устремлялъ свои взоры къ небу, или колѣнопреклоненный стоялъ подолгу безъ всякаго движенія. Меня поразило особенно одинъ моментъ во время его молитвы. Однажды во время утрени онъ подошелъ къ жертвеннику, сталъ предъ нимъ на колѣни, руки сложились крестообразно на жертвенникѣ, голову склонилъ на нихъ. Подъ руками у него были, кажется, всевозможныя записки съ просьбой помянуть больныхъ, умершихъ. Я смотрѣлъ на него изъ-за колоннъ. Волосы прядями висѣли на плечи; весь онъ былъ освѣщенъ слабымъ утреннимъ свѣтомъ, едва, едва пробивающимся сквозь толщу утренняго тумана. Онъ находился въ такомъ положеніи около десяти минутъ. Казалось со стороны, что онъ какъ бы умеръ и предъ нами было только его тѣло, оставленное, сброшенное его душой, какъ бы какая одежда. Мнѣ живо вспомнились въ эти минуты картины, на которыхъ изображено, какъ душа по разлученіи съ тѣломъ съ неба созерцаетъ его. Тѣло тамъ дѣйствительно представляется какъ бы одеждой, оставленной душой. О, какая это молитва, какой священнѣйшій моментъ. Человѣкъ оставляетъ землю и возносится душою на небо, житель земной проникаетъ въ горніе міры, ограниченныи разумѣть тайны неба, плотяной становится духовнымъ, немощной укрѣпляется, скорбящій утѣшается, сильный становится еще болѣе сильнымъ. Смотря на молящагося о. Іоанна, я невольно переносился мыслію даже въ Гевенманскій садъ и представлялъ молящагося за насъ тамъ Спасителя.

И въ алтарѣ, этомъ великомъ христіанскомъ святилищѣ, не давали о. Іоанну покоя. То одинъ, то другой въ удобную минуту подходили къ нему съ различными просьбами и

нуждами. Хорошо зная, что каждый изъ находившихся въ алтарѣ, пришелъ сюда, имѣя какую-либо горячую, неотложную нужду, о. Іоаннъ и самъ иногда подходилъ то къ одному, то къ другому. Распросилъ о нуждѣ, горѣ, далъ добрый совѣтъ. Давалъ, кажется, нѣкоторымъ и деньги. Одного обласкаетъ, другого потреплетъ по плечу.

Канонъ на клиросѣ читалъ самъ, какъ и всегда. Нельзя было не обратитъ вниманіе на чтеніе. Умиленіе, восторженность, твердость, надежда, упованіе, радость, печаль,—все слышалось въ этомъ дивномъ чтеніи. Читаетъ о. Іоаннъ, какъ бы бесѣдуетъ, разговариваетъ съ Богомъ, Богородицею и святыми. Голосъ чистый, звучный. Произношеніе членораздѣльное, отчетливое, отрывистое. Одно слово скажетъ скороговоркою, другое протяжно, чуть не по слогамъ разобьетъ его. При этомъ вся душа о. Іоанна настолько проникается мыслями, какія содержатся въ читаемыхъ имъ священныхъ пѣснопѣніяхъ, что онъ не можетъ удержаться отъ жестовъ самыхъ выразительныхъ. Во время чтенія онъ постоянно какъ бы волнуется и какъ бы беспокоится. То какъ бы блаженная улыбка засіяетъ на лицѣ его, когда онъ читаетъ о небесной славѣ Бога, Богородицы и св. Угодниковъ Божіихъ. То какъ бы глубокая мольба начинается срываться съ устъ его, когда онъ читаетъ о немощи, грѣхѣхъ и грѣхахъ человѣческихъ. То слышишь какъ бы праведный гнѣвъ, когда встрѣчаются въ канонѣ слова „сатана“, „дьяволъ“. То наклоняется онъ головою къ самой книгѣ; то потрясаетъ ею такъ величаво, такъ чудно-торжественно. То наконецъ во время пѣнія ирмоса или эктении, когда самъ не поетъ съ пѣвчими, преклоняетъ одно или оба колѣна тутъ же на клиросѣ, закроетъ лицо руками и умильно молится, молится, горячо молится. Эта то горячая, искренняя молитва, льющаяся изъ глубины его чистой души, и есть истинная причина только что описанныхъ различныхъ необыкновенныхъ жестовъ о. Іоанна. Не болѣзненно-первое состояніе о. Іоанна вызываетъ ихъ, какъ гдѣ-то и когда-то писали, а глубокое религіозное настроеніе, въ какомъ бываетъ въ эти минуты о. Іоаннъ.

По шестой пѣсни и эктении о. Іоаннъ восклицаетъ „кондакъ“ и читаетъ его громко, какъ побѣдную пѣснь христіанъ надъ побѣжденнымъ ископнымъ нашимъ врагомъ. Кончивъ чтеніе канона, онъ быстро входитъ въ алтарь и падаетъ

въ глубокой молитвѣ предъ престоломъ. Укрѣпивъ себя молитвою, снова идетъ на клиросъ и читаетъ здѣсь „стиховны на хвалитѣхъ“.

Кончилась утреча, начали звонить къ литургіи. На проскомидіи просфоръ было такъ много, что ихъ приносили сюда цѣлыми большими корзинами. О. Іоаннъ могъ вынуть только по нѣсколько просфоръ изъ каждой корзины и прочитать только по нѣсколько поминаній и записокъ изъ массы ихъ, поданной въ алтарь для поминovenія богомольцами, собравшимися въ храмъ изъ самыхъ отдаленныхъ уголковъ Россіи. Многіе во время проскомидіи подходили къ о. Іоанну, прося его помянуть его родственниковъ, вынуть просфору, такъ что онъ не имѣлъ ни одной свободной минуты. Съ о. Іоанномъ служили и іеромонахи, и бѣлые священники въ камилавкахъ и безъ камилавокъ, съ крестами и безъ крестовъ, юные и убѣленные сѣдинами. Это все были „пришельцы“. О. Іоаннъ объединялъ всѣхъ; здѣсь были всѣ родные и близкіе другъ другу, хотя бы они встрѣчались еще только впервые. Въ камилавкѣ съ сіяющимъ крестомъ и цѣпью на груди, съ легкимъ пріятнымъ румянцемъ на лицѣ отъ внутренней теплои молитвы, стоялъ о. Іоаннъ во главѣ собора священнослужителей, собравшихся около него отовсюду. Вотъ онъ вдругъ неожиданно, порывисто беретъ на престольный крестъ и съ любовью цѣлуетъ его, обнимаетъ его руками, глядитъ на него такъ умиленно и восторженно, уста шепчутъ слова молитвы, раза три, четыре подъ рядъ лобызаетъ его, прильнетъ къ нему своимъ челомъ...

Началась литургія. Возгласы о. Іоаннъ произноситъ такъ же, какъ читаетъ канонъ на утрени. Въ голосѣ слышится умиленіе, взоръ обращенъ на горнее мѣсто. Иногда онъ произноситъ возгласы, закрывши глаза и углубившись въ себя. Служебника о. Іоаннъ почти не раскрываетъ, такъ какъ всѣ молитвы знаетъ на память. Читаетъ часто въ полголоса. Говорять, служебникъ не долженъ быть, такъ сказать, буксиромъ для священника. Молитвенное настроеніе его должно идти дальше служебника. Служебникъ только для начинающихъ и неопытныхъ въ молитвѣ. Всѣ говорили мнѣ, что съ о. Іоанномъ совершается что-то необыкновенное во время литургіи. И это вполне справедливо. Чѣмъ ближе подходятъ минуты пресуществленія св. Даровъ, тѣмъ болѣе и бо-

дѣе повышается настроеніе души и начинается отражаться и въ голосѣ, и въ лицѣ о. Іоанна. Вотъ послѣ Херувимской пѣсни о. Іоаннъ быстро прочиталъ молитву, положенную въ служебникѣ, облокотился на престолъ, объялъ свое лицо руками, челою прильнулъ къ воздуху, сокрывшему имѣюшіе скоро преложиться св. Дары. Онъ сокрылся отъ любопытныхъ взоровъ людскихъ, онъ какъ бы застылъ въ этомъ положеніи, а душа горитъ огнемъ молитвеннымъ... „Дивное мгновеніе и незабвенная картина,—говорить одинъ изъ служившихъ съ нимъ. И это для насъ, окружающихъ престолъ, а что же чувствовала его душа? Именно горѣ къ небу возносилаь она“. Вотъ о. Іоаннъ воспрянулъ, какъ бы пробудился и снова уста его выражаютъ молитву его сердца. „Горѣ имѣимъ сердца“,—воскликаетъ о. Іоаннъ, обратившись къ народу и поднявши руки горѣ. Какъ крыльями хочетъ взлетѣть и тѣло его туда, гдѣ теперь витаетъ духъ его.... „Благодаримъ Господа. Достоиню и праведно покланяются“,— снова восклицаетъ о. Іоаннъ. Первые два слова произноситъ громко, а послѣднія тише и начинаетъ читать молитву. Произнося слова установленія, „Примите, ядите, сіе есть Тѣло Мое“, онъ дѣлаетъ особенное удареніе на словѣ „Тѣло“. При возгласѣ „Твоя отъ Твоихъ“ особенное удареніе дѣлаетъ о. Іоаннъ на словѣ „о всѣхъ“, произнося его болѣе протяжно (вс-ѣ-ѣ-хъ), чѣмъ другія. Чувствуетъ душа его, какъ люди, собравшіеся во множествѣ въ этомъ храмѣ, нуждаются въ небесной помощи, и онъ горячо молится за всѣхъ. „Преложивъ Духомъ Твоимъ Святымъ. Аминь“,—искренно вѣрующимъ тономъ возглашаетъ о. Іоаннъ и, какъ бы еще для большаго увѣренія находящихся въ алтарѣ, дополняетъ: „Богъ явился во плоти“, и еще что-то шепталъ уста его, но я уловилъ слухомъ своимъ только выраженіе „окружаемый ангельскими воинствами“. Но и безъ словъ, по выраженію лица, было видно, что мысль о. Іоанна всецѣло запята св. Тайнами. Это самая излюбленная тема его молитвенныхъ размышленій и въ дневникѣ. Великое благоговѣніе о. Іоанна къ св. Тайнамъ обнаруживается и въ томъ, что онъ много разъ, несиѣшно, безъ крестнаго знаменія, преклоняетъ главу свою предъ ними. Слезы обильно лились изъ его глазъ. То одинъ, то другой платокъ вынималъ онъ изъ кармана и отиралъ ихъ. О чемъ плакалъ этотъ дивный мужъ? Не бываетъ

слезъ безъ глубокаго душевнаго волненія; нѣтъ слезъ безъ чувства, любви и живой мысли. Если бы кому-нибудь удалось анализировать, такъ сказать, слезу о. Іоанна, то какое богатѣйшее содержаніе можно было бы найти въ ней.

Вотъ приобщился о. Іоаннъ Тѣла и Крови Христовыхъ. Лицо его измѣнилось. Нѣтъ болѣе на немъ и слѣда той утомленности, и какой-то скорби или грусти, какія можно было видѣть, когда онъ только что входилъ сегодня утромъ въ храмъ. Необыкновенная духовная радость, необыкновенный миръ и небесный покой, необыкновенная сила и мощь отображались теперь въ каждой чертѣ его лица. Его лицо какъ бы свѣтилось, какъ бы издавало какое сіяніе. Теперь я хорошо понимаю, что означаетъ нимбъ, изображаемый на иконахъ около головы св. Угодниковъ. О. Іоаннъ теперь готовъ былъ снова трудиться безъ всякой усталости съ утра до самой поздней ночи: онъ запасся теперь силами на все предстоящее ему дневные труды и заботы. Лица, близко стоявшія къ нему говорили мнѣ, что такая переменна бываетъ съ нимъ каждый разъ, когда онъ приступаетъ къ св. Тайнамъ. Еще говорили мнѣ, что онъ въ св. Тайнахъ почерпаетъ силы для несенія того труда, который несомнѣнно превышаетъ всякія человѣческія силы.

Когда причастились все сослужащіе, о. Іоаннъ приступилъ къ раздробленію св. Агнца для причащенія мірянъ. Хотя въ данномъ случаѣ въ служебникѣ не положено никакихъ молитвъ, но о. Іоаннъ, чтобы во время такого святого дѣла душу его не смутили праздныя мысли, снова шепчетъ молитвы. До моего слуха доносились отрывочныя выраженія изъ канона Симеона Логовета „на распятіе Господне и плачь Пресв. Богородицы“. Чрезвычайно замѣчательны и достойны всякаго вниманія воззрѣнія о. Іоанна на богослуженіе. Имъ объясняется весьма многое изъ его поведения, жизни и дѣятельности. „Божественная служба,—пишетъ онъ въ дневникѣ своемъ,—есть для меня безцѣнное и величайшее благо въ жизни; въ Богослуженіи—вся жизнь нашей души, все ея сокровище;—тутъ ея родина, ея воспитаніе, врачеваніе, ея пища и питіе, ея сила и слава, ея святыня и жизнь“. „Какъ велико милосердіе Божіе къ намъ грѣшнымъ,—говорилъ однажды о. Іоаннъ И. Т. Какое неоцѣненное небесное угѣшеніе оставилъ Онъ намъ на землѣ въ своей святой цер-

кви. И вѣдь каждый день дается намъ эта радость и сладость духовная; мы здѣсь воспѣваемъ св. Угодниковъ Божіихъ, воспоминаемъ подвиги преподобныхъ, страданія мучениковъ, доблести святителей, апостоловъ, и наконецъ преблагословенную нашу Заступницу, Матерь Божію,—перепосимся мысленно въ дни ихъ земной жизни, видимъ высокіе примѣры для подражанія. Вѣдь и они были такіе же люди, какъ и мы, но любили Господа и сѹмѣли угождать ему. Мы здѣсь воспѣваемъ ихъ и ублажаемъ, а они въ свою очередь, какъ бы въ возданіе намъ за любовь къ нимъ, поминуютъ насъ предъ престоломъ Божіимъ на небѣ, молятся за насъ какъ за своихъ младшихъ братьевъ, и мы это чувствуемъ осязательно, ощутительно! Ты вѣришь этому? „Вѣрю, батюшка, какъ не вѣрить?“ „Да, истинно какъ не вѣрить, а къ сожалѣнію есть вѣдь несчастные, невѣрующіе, надобно молиться за нихъ! А литургія-то божественная, какое дивное таинство! Это предвкушеніе будущаго блаженства, это—тайна небесная, Ангеламъ непостижимая. А мы люди грѣшныя совершаемъ, священнодѣйствуемъ“, „Бѣдные челобѣтны,—пишетъ онъ въ своихъ запискахъ,—еслибы вы знали, еслибы вполнѣ уразумѣли, какого великаго сокровища, какого дара вы лишаете себя, отдаляясь отъ св. чаши! Какого божественнаго, безцѣннаго, животворящаго, безсмертнаго дарованія Божія, какой помощи въ вашихъ душевныхъ нуждахъ и немощахъ!—Вотъ отчего цѣтъ истинной жизни въ христіанахъ православныхъ, жизни по духу Христову,—оттого, что они отдаляются отъ Христа! Вотъ почему умножились въ людяхъ пороки и бѣдствія! Вотъ почему противъ насъ вооружилась вся тварь,—въ мѣсть врагамъ Божіимъ, отступившимъ отъ своего Творца! Вся природа, всѣ стихіи: воздухъ, вода, огонь, смерть во всѣхъ ея видахъ казнятъ отступившаго отъ Источника жизни!

О, сколько благодѣлній подаетъ намъ Богъ ежедневно въ Божественной литургіи!—А какъ христіане къ ней относятся?

Холодно, равнодушно, невнимательно. Какая безграничная любовь Бога къ намъ грѣшнымъ ежедневно сказуется въ божественной литургіи! Какая близость Бога къ намъ.—Вотъ онъ тутъ,—на престолѣ;—*приди и виждь! Вкусите и видите!* Какое чудное общеніе! какое счастье и блаженство на-

шей природы въ этомъ принятіи Христа внутрь себя,—очищеніе, обновленіе, миръ, величіе, свобода, слава, жизнь и безмертіе! О, бѣдныя, бѣдныя люди, чего вы лишаете себя пустыми предлогами суетныхъ житейскихъ попеченій! Говоришь, „я недостойнъ, грѣшенъ“,—покайся,—здѣсь очисти лице,—здѣсь *Сынъ Божій, пришедшій въ міръ грѣшныя спасти, а не праведныхъ!*—Говоришь: „я занятъ, не имѣю времени“,—*шесть дней дѣлай, и твори въ нихъ дѣла твои, а хотя одинъ въ недѣлю—седьмой удѣли Господу Богу твоему. Воздадите кесарева кесареви, а Божія — Богови. Упразднитеся и уразумѣйте.* Для всего мы находимъ время: для пищи и питія, для отдыха и покоя, для дѣлъ житейской суеты, для забавъ, театровъ, игръ и перѣдко вредныхъ и грѣховныхъ въ угожденіе страстямъ нашимъ,—для всего есть время, а посѣтить храмъ Божій, отслушать съ надлежащимъ вниманіемъ божественную литургію; тѣмъ болѣе—поговѣты и причастіе св. Таинъ намъ нѣтъ времени, нѣтъ досуга. Между тѣмъ мы знаемъ, что первыхъ временъ христіане *бяху выну въ церкви, хваляще и благословяще Бога*; знаемъ, что они приступали къ св. трапезѣ каждую недѣлю, каясь и исповѣдуя грѣхи свои вслухъ предъ всею церковію“.

Такъ пишетъ о. Іоаннъ, такъ проповѣдуетъ въ церкви, такъ учитъ по домамъ, вездѣ гдѣ бываетъ, и собственнымъ своимъ примѣромъ подтверждаетъ свое ученіе, самъ ежедневно болѣе 35 лѣтъ пріобщаясь св. Таинъ за исключеніемъ тѣхъ дней, когда онъ бываетъ въ дорогѣ. Этому-то ежедневному пріобщенію онъ и самъ приписываетъ ту силу и крѣпость, которая поддерживаетъ и ободряетъ его въ его изумительныхъ трудахъ среди обширной дѣятельности. „Господь подкрѣпляетъ меня, съ Которымъ ежедневно я соединяюсь чрезъ св. причащеніе; иначе гдѣ бы я могъ почерпнуть силы для такихъ постоянныхъ, усиленныхъ трудовъ, которыми стараюсь служить во славу святаго имени Его и во спасеніе ближнихъ моихъ“!

Замѣчательна молитва о. Іоанна предъ совершеніемъ богослуженія, записанная имъ въ дневникѣ. „О, святѣйшая, всемогущая, всеблагая Глава Церкви Своей, Господи Іисусе Христе, Альфа и Омега, Начало и Конецъ! Дажь мнѣ недостойному благодать совершать святыню Твою, т. е. Богослуженіе Твое свято, мирно и твердо: очисти сердце мое

отъ всякія страсти и отъ всякаго навѣта вражія! Воспламеняй меня небеснымъ огнемъ Твоимъ и не только меня, но и всѣхъ предстоящихъ и молящихся тебѣ со мною во время моего служенія! Смирй сердца надменныхъ вѣка сего; покори умы ихъ твоей истинѣ, и сердца ихъ Твоему Слову; возсозидай, обновляй люди Твоя, Господи!—Я немощенъ, но Твоя сила въ немощѣхъ моихъ да совершится“.

Наконецъ настало время общей исповѣди. Мы всѣ вышли изъ алтаря на солею и стали около о. Іоанна. Необыкновенно величественная картина развернулась предъ нами. Съ довольно высокой содеи можно было видѣть самыя отдаленныя уголки обширнаго храма. Предъ нами было море головъ. Въ храмѣ было, говорили, не менѣе пяти тысячъ человѣкъ. Какъ волнуется море, такъ волновалось и это море людей. Достаточно было небольшого толчка съ той или другой стороны, какъ вся масса людей отклонялась въ противоположную сторону, потомъ совершенно естественно, сама собой, для сохраненія равновѣсія, направлялась въ другую сторону. Въ эти минуты предъ нами была уже не масса отдѣльныхъ людей, а какъ бы одинъ человѣкъ, единое тѣло, одинъ живой организмъ. Все слилось и объединилось въ этой массѣ; нѣтъ болѣе никакихъ раздѣленій. Богатый и бѣдный, знатный и незнатный, ученый и неученый, мужчина и женщина,—всѣ были вмѣстѣ, у всѣхъ была въ эти минуты одна душа и одно сердце, какъ у первохристіанъ. Теперь я понималъ Ап. Павла, который говоритъ, что христіане, не теряя своихъ природныхъ свойствъ и особенностей, составляютъ единое, нераздѣльное тѣло. Какъ въ тѣлѣ человѣческомъ много различныхъ членовъ и они, выполняя свое назначеніе, каждый по особымъ, ему присущимъ законамъ, составляютъ единое тѣло, единый живой организмъ; такъ и въ церкви Христовой много различныхъ членовъ, ее составляютъ милліоны христіанъ съ различными дарованіями и жизнями, но всѣ они составляютъ единое тѣло, одинъ живой, нераздѣльный организмъ.

О. Іоаннъ вышелъ изъ алтаря на амвоу въ смиренномъ видѣ безъ камилавки и началъ говорить поученіе предъ исповѣдію. Онъ началъ его безъ обычныхъ нашихъ словъ „Во имя Отца и Сына и Св. Духа“. „Грѣшники и грѣшницы, подобные мнѣ! Вы пришли въ храмъ сей, чтобы при-

пости Господу Иисусу Христу Спасителю нашему покаяніе въ грѣхахъ и потомъ приступить къ св. Тайнамъ, — такъ началъ свое поученіе о. Іоаннъ. Приготовились ли къ воспріятію столь великаго Таинства? Знаете ли, что великій отвѣтъ несу я предъ престоломъ Всевышняго, если вы приступите, не приготовившись. Знайте, что вы кааетесь не мнѣ, а Самому Господу, Который невидимо присутствуетъ здѣсь, Тѣло и Кровь Котораго въ настоящую минуту находятся на жертвенникѣ“. Сказавши еще нѣсколько прочувствованныхъ словъ, о. Іоаннъ продолжалъ: „слушайте... буду читать покаянныя молитвы“. И тотчасъ же началъ читать ихъ, обратясь лицомъ къ народу. „Боже Спасителю нашъ“, читаетъ восторженно, громогласно и умиленно о. Іоаннъ, „прости рабовъ твоихъ сихъ“. Слова „сихъ“ читаетъ протяжно, разбивая ихъ по слогамъ, (с-и-и-х-ъ). При этомъ своей раскрытой десницей проводитъ надъ главами внизу стоящихъ и молящихся, какъ бы отдѣльно указывая каждаго милосердому Судіи. Продолжается чтеніе молитвы. Голосъ пастыря все возвышается и возвышается. Иногда во время чтенія, опъ еще выразительнѣе, какъ пророкъ грознаго и праведнаго Судіи, указываетъ перстомъ въ толпу, въ ту или другую сторону храма... Всѣ эти и подобные этимъ жесты весьма трогательны, чрезвычайно поясняютъ смыслъ читаемаго и производятъ на массу сильное впечатлѣніе.

Прочитавши первую покаянную молитву, о. Іоаннъ заявляетъ что ее нужно „протолковать“ и продолжаетъ свое поученіе. Говоритъ, конечно, безъ тетрадки. Говоритъ просто, безъ всякихъ ораторскихъ приемовъ. Въ одномъ мѣстѣ ему ни какъ не удавалось правильно построить фразу. Проповѣдникъ остановился на нѣсколько мгновеній и потомъ, заявивъ, что опъ „не такъ сказалъ“, спокойно продолжалъ свою рѣчь. Слово его отличалось внутренней силой, властностью (1 Кор. 2. 4; 4, 20) и нисколько не напоминало чтенія мальчикомъ хорошо вызубреннаго урока. Говорилъ опъ съ глубокой вѣрой въ каждое свое слово, готовый за каждое слово даже пострадать, потому что все говорилъ отъ сердца, говорилъ то, что самъ своимъ личнымъ опытомъ хорошо извѣдалъ, а не произносилъ „хорошія фразы“, тщательно собранныя изъ всевозможныхъ сборниковъ и книжекъ. Вотъ что опъ говорилъ народу.

„Въ этой молитвѣ къ Богу Отцу, Первому Лицу Пресвя-

той Троицы, Господу Всеблагому, Всевятому, Вездѣсущему, Премудрому, Всесоздавшему, Всемогущему, Всеправящему, Страшному всякой твари, св. церковь молить Господа, чтобы Онъ даровалъ помилованіе грѣшникамъ и грѣшницамъ. простилъ бы имъ прегрѣшенія, всякія беззаконія, совершенныя или по легкомыслію, или по необдуманности, вольно или неволью, простилъ бы и помиловалъ бы, какъ нѣкогда помиловалъ пророка и царя Давида, тяжело согрѣшившаго предъ Богомъ. Прогуливаясь однажды на террасѣ своего дворца, онъ увидѣлъ купающуюся очень красивую женщину, молодую еврейку, плѣнился ея красотою и пожелалъ сдѣлать ее своею женою. Но эта еврейка была за мужемъ. Чтобы исполнить свое грѣховное желаніе, Давидъ отправилъ ея мужа на войну и приказалъ поставить его на опасное мѣсто, гдѣ и сразили его непріятельскія стрѣлы. Такимъ образомъ Давидъ достигъ своей преступной цѣли и упоенный грѣховною страстію не хотѣлъ думать о томъ, какое тяжкое прегрѣшеніе совершилъ предъ Богомъ. Но Господь Богъ умилился надъ заблудившимся грѣшникомъ и послалъ къ нему пророка Наана, который обличилъ царя въ беззаконіи и убѣждалъ его раскаяться. Тогда царь созналъ свой тяжкій грѣхъ, ужаснулся его и, посылавъ главу свою цѣломъ въ знакъ смиренія, началъ горько плакать и искренно, горячо каяться предъ Господомъ. И Господь услышалъ его скорбную мольбу и простилъ его грѣхъ. Св. Духъ, Который оставилъ его послѣ согрѣшенія, снова вселился въ него послѣ его раскаянія и не оставлялъ его до конца дней его. Царь Давидъ свое некрепкое и сердечное сокрушеніе о грѣхахъ выразилъ въ псалмахъ, въ которыхъ благодарилъ и прославлялъ Бога. Онъ оставилъ послѣ себя книгу Псалтирь, употребительнѣйшую въ православной церкви. А его 50-й псаломъ „Помилуй мя, Боже“ представляетъ собою прекрасный и незамѣнимый образецъ сердечнаго покаянія. Братія, царь Давидъ былъ человѣкъ благочестивый, кроткій, незлобивый, мудрый, имѣвшій даръ пророчества, хорошій былъ человѣкъ, и то согрѣшилъ, не услѣдивъ за собою, украсть единственную жену! Царь, пророкъ, св. мужъ и палъ такъ глубоко! О, какъ легко согрѣшить человѣку. Нужно быть бдительнымъ къ своей душѣ, нужно всегда слѣдить за собою, обуздывать свои чувства. Нужно каждый день и часъ,

каждую минуту слѣдить за собою и предвидѣть заранѣе грѣховныя желанія свои и оберегать себя отъ искушеній, ибо лъяволъ, какъ левъ рыкающій, бѣгаетъ за нами и ищетъ, кого бы поглотить. Для этого нужно обдумывать и взвѣшивать каждый свой шагъ и всякій свой поступокъ.

Другой царь Манассія отпалъ отъ Бога и впалъ въ идолопоклонство, занимался волхвованіями, вызываніемъ духовъ, былъ спиритъ по нынѣшнему, и дѣтей своихъ училъ тому же. Неблагодарный, гордый презиралъ народъ, любящій Бога, а себялюбивыхъ, подобныхъ себѣ, ласкалъ и приближалъ. Своими беззаконіями онъ прогнѣвалъ Бога, долготерпѣніе Господне истошилось. Во время войны Іудеевъ съ Ассиріянами, Манассія былъ взятъ въ плѣнъ, руки и ноги его были закованы въ колодки, а въ носъ было продѣто кольцо. Въ такомъ позорномъ видѣ, какъ звѣря, его провели по Вавилону и бросили въ смрадную темницу, гдѣ и держали три мѣсяца. Братія, человѣкъ не можетъ жить безъ наказаній, этихъ истино посященій Божіихъ. Иногда только наказанія могутъ отрезвить человѣка, просвѣтить его духовное око, указать ему его дѣйствительное, а не имъ самимъ вымышленное, положеніе. И Манассія, находясь въ тяжкомъ плѣну, опомнился, созналъ свои грѣхи предъ Господомъ и созналъ свое ничтожество. Теперь онъ понялъ, что онъ червь, что гордиться ему нечѣмъ, потому что предъ Господомъ всѣ равны. Всѣхъ Богъ создалъ одинаково, создалъ изъ одной перети и въ переть всѣхъ обратить. Манассія началъ усердно молиться, каяться, день и ночь плакать о своихъ заблужденіяхъ. Господь услышалъ его мольбы и простилъ его. Царь Манассія составилъ покаянную молитву, которая читается теперь великимъ постомъ на повечеріи.

Въ лицѣ этихъ двухъ царей, Давида и Манассіи, также согрѣшившихъ, св. церковь представляетъ намъ, бр., образцы искренняго и глубоко-сердечнаго покаянія. Господь Богъ—страшный Судія всей земли. Онъ не посмотритъ ни на чье лицо: мужчина или женщина, отрокъ или отроковица, царь или простолюдинъ, баринъ или мужикъ, генералъ или солдатъ, богатый или бѣднякъ. Предъ Нимъ всѣ равны; Онъ смотритъ на сердца, смотритъ, каково упованіе, какова вѣра, каковы дѣла. Съ людей высокостоящихъ, образованныхъ Господь больше взыщетъ, чѣмъ съ простолюдиновъ, когда

они грѣшатъ, пьянствуютъ или прелюбодѣйствуютъ. Братія, ахъ какъ силенъ грѣхъ. Грѣхи это воры, разбойники, которые постоянно обкрадываютъ насъ. Они облакаются обыкновенно въ благородныя, заманчивыя одежды и дѣлаютъ насъ бѣдняками предъ Богомъ и даже врагами Его. Кто изъ насъ безъ грѣховъ? Кто не гордъ? Кто не честолюбивъ? Кто не обижалъ другъ друга? Кто не оболгалъ ближняго своего?“

Поученіе, повидимому, простеское, не хитро-витіеватое,—такое поученіе, которое можетъ составить и произнести безъ особеннаго затрудненія всякій сельскій священникъ. Я много слыхалъ объ о. Іоаннѣ, какъ проповѣдникѣ, и съ петириѣтиемъ ожидалъ его проповѣди. Но начало его проповѣди, да проститъ мнѣ великій настырь, я слушалъ съ довольно большимъ холодомъ въ душѣ и даже разочарованіемъ. Равнодушно, повидимому, относился къ проповѣди и народъ. Но даѣе я не знаю, что случилось со мною и съ этой доселѣ безмолвной массой людей. Какое-то особенное настроеніе, незримо откуда то сходявшее въ души слушателей, начало овладѣвать толпою. Сначала слышались то тамъ, то здѣсь лишь легкіе вздохи; то тамъ, то здѣсь можно было наблюдать слезу, медленно катившуюся по лицу умиленнаго слушателя. Но чѣмъ дальше шло время, тѣмъ больше можно было слышать глубокіхъ вздоховъ и видѣть слезъ. А о. Іоаннѣ, видя ихъ, о нихъ то больше всего и напоминалъ въ своемъ поученіи. И я что-то необыкновенное началъ ощущать въ себѣ. Откуда-то, изъ какой-то недовѣдомой глубины души, что-то начало подниматься во мнѣ, охватывая все существо мое. Сзади меня и напротивъ, на правомъ клиросѣ, стояли доселѣ, повидимому, равнодушныя, болѣе любопытствующія лица. Но вотъ и они преклоняютъ колѣна и проливаютъ слезы.. И у меня растеплилось сердце чертвое, огрубѣлое; скатилась слеза и у меня изъ глазъ, слеза чистая, слеза покаянная, слеза святая, слеза благодатная, слеза живительная, слеза спасительная. А что творилось въ это время въ народѣ! Изъ всѣхъ сторонъ кричали: „батюшка, прости, батюшка, помилуй; всѣ мы грѣшники; помоллись, помоллись за насъ“. Бушевало море. Стало такъ шумно, что больше ничего не было слышно изъ рѣчи о. Іоанна. „Тише, тише, слушайте“,—громко кричали

о. Іоаннѣ, властно призывая рукой всѣхъ къ молчанію. На нѣсколько мгновеній смолкалъ шумъ, но потомъ съ новой силой онъ раздавался опять, начинаясь сначала гдѣ-либо въ одномъ мѣстѣ, а потомъ постепенно охватывая всѣхъ молящихся. Какъ сильный громъ, прекатывались изъ края въ край по громадному храму народные вопли о молитвѣ, прощеніи и помилованіи. Съ немалымъ трудомъ пришлось водворить въ храмъ тишину. О. Іоаннѣ начинаетъ читать далѣе вторую милитву предъ покаяніемъ. Читаетъ ее также съ глубокимъ чувствомъ и выразительностью. Прочитавши молитву, онъ снова началъ „толковать“ ее.

„Въ этой молитвѣ, которую я сейчасъ произнесъ, св. церковь молитъ Первопастыря, чтобы Онъ Многомилостивый простилъ наши неправды, наши грѣхи, помиловать, избавилъ насъ отъ вѣчной муки, простилъ незаконныя намѣренія, мысли наши и незаконныя поступки. Св. церковь молитъ Іисуса Христа, Сына Божія, взявшаго на Себя грѣхи всего міра и своею пречистою кровію омывшаго нечистоту душъ нашихъ, помиловать насъ, какъ двухъ евангельскихъ должниковъ, которые сами не могли заплатить большой долгъ займодавцамъ; какъ блудницу, которая своими слезами омывала ноги Христа и отирала ихъ своими волосами. Господь Богъ видѣлъ ея истинное раскаяніе, желаніе загладить свои грѣхи и, даровавъ ей прощеніе, отпустилъ ее съ миромъ. Точно также и всѣ кающіеся искренно сегодня въ грѣхахъ своихъ получаютъ прощеніе и избавленіе отъ вѣчной муки. Намъ дано въ жизни очень много времени одуматься, чтобы мы поскорѣли, погоревали, поплакали о душѣ своей. Но люди лѣнятся, не хотятъ заботиться о своей душѣ, не хотятъ бороться съ грѣхами, которые, какъ тати и разбойники, врываются въ ихъ души, не хотятъ воевать съ ними, отгонять ихъ. Господь Богъ дѣлаетъ все для любящихъ его, а которые дерзко отталкиваютъ десницу Божію,—не желаютъ сами себѣ добра, сами идутъ на погибель. Безъ Бога мы и одной секунды существовать не можемъ: своею жизнью, дыханіемъ, воздухомъ, которымъ дышемъ, свѣтомъ солнечнымъ, пищей, питіемъ.—всѣмъ обязаны мы Христу. Мы должны Ему безъ конца, мы Его неоплатные должники. Мы призываемся быть „народомъ святымъ“, людіями обно-

вленія“, „царскимъ священіемъ“. Вѣдь намъ сказано: „святѣ будите, якоже святъ есмь Азъ“.

При этомъ снова въ народѣ поднялся прежній шумъ. „Батюшка, батюшка“,—кричали отвсюду,—„прости, помолись“ и снова нельзя стало разобрать ничего. „Тише, тише, слушайте, тише“,—говорилъ о. Іоаннъ. Мало по малу снова въ храмѣ водворяется тишина, прерываемая по временамъ только глубокими вздохами да слезой, безмолвно катящейся по лицу слушателя.

„Господь Богъ, страшный и праведный Судя, — продолжаетъ о. Іоаннъ свою прерванную рѣчь. Онъ не помиловалъ надменныхъ ангеловъ, возгордившихся противъ Самого Бога, но осудилъ ихъ на вѣчную муку. Мы, грѣшники, грѣшнимъ каждую минуту и своими грѣхами прогнѣваемъ Господа. Отчего же намъ такое снисхожденіе? Богъ Отецъ послалъ въ міръ Сына Своего возлюбленнаго, Который прінялъ на Себя грѣхи всего міра, пострадалъ за грѣхи людей, снялъ съ людей проклятіе, тяготѣвшее надъ ними съ времени грѣхопаденія первыхъ людей. Господь Іисусъ Христосъ чрезъ свои крестныя страдапія избавилъ насъ отъ вѣчной муки. Это могъ сдѣлать только Сынъ Божій, а не человѣкъ. Богъ Отецъ отдалъ всю власть суда надъ людьми Іисусу Христу. Господь Іисусъ Христосъ далъ власть апостоламъ, а тѣ архіереямъ и священникамъ, въ томъ числѣ и мнѣ грѣшному іерею Іоанну—разрѣшать кающихся, прощать или не прощать грѣхи ихъ, судя по тому, какъ люди каются. Если человѣкъ искренне кается, съ сокрушеніемъ сердечнымъ, то священникъ разрѣшаетъ его отъ грѣховъ. Наоборотъ, если человѣкъ кается не искренне, то священникъ не отпускаетъ ему грѣхи, чтобы онъ опомнился. Итакъ, чтобы получить прощеніе грѣховъ, необходимо каяться искренно, горячо, сердечно. А у насъ что за покаяніе? Всѣ мы только верхушечки, стебельки грѣховъ срываемъ. Нѣтъ, корни, корни грѣховъ нужно вырывать...“

Что же такое покаяніе? Покаяніе есть даръ Божій, дарованный Богомъ ради заслугъ Сына Своего возлюбленнаго, исполнившаго всю правду Божію. Покаяніе есть даръ, данный для самоосужденія, самообличенія, самоукоренія. Покаяніе есть твердое и неуклонное намѣреніе оставить свою прежнюю грѣховную жизнь, исправиться, обновиться, возлюбить Господа всею душею, примириться съ Богомъ, съ своею

совѣстію. Покаяніе есть твердое упованіе, надежда, что милосердый Господь проститъ всѣ наши прегрѣшенія. Кто не кается, тотъ дѣлается врагомъ церкви. Какъ гнилые сучки или вѣтки отпадаютъ отъ дерева, такъ и грѣшники нераскаянные отпадаютъ отъ Главы церкви Христа. Самъ Христосъ есть Лоза виноградная, а мы вѣточки, питающіяся жизнію, соками этой лозы. Раскольники погибаютъ въ заблужденіи, пашковцы тоже погибаютъ, погибаютъ и толстовцы. Всѣ они грѣшники не раскаянные; сами гибнутъ и другихъ влекутъ на гибель.

Братія и сестры, каетесь ли вы? Желаете ли исправить свою жизнь? Сознаете ли грѣхи свои? Убѣдились ли Богу молиться? пьянствовали? прелюбодѣйствовали? обманывали? клятвопреступничали? богохульствовали? завидовали? хитрили? злобствовали? злословили? воровали? Да, много, много грѣховъ у васъ, братія и сестры, всѣхъ ихъ и не перечестъ“. Слово кончено. Обращаясь къ народу, о. Іоаннъ властно и громко теперь говоритъ; „кайтесь, кайтесь, въ чемъ согрѣшили!“

Что произошло въ эти минуты, невозможно передать. Напряженіе достигло самой высшей степени и одинаково захватило всю массу. Это былъ уже не тихій и спокойный народъ, а море бушующее. Пламя огня, охватившее внутренность зданія, даетъ о себѣ знать сначала незначительными огненными языками, вырывающимися изнутри то тамъ, то здѣсь, и густыми облаками дыма. Потомъ, пробившись наружу, оно съ страшной силой поднимается вверхъ и почти мгновенно распространяется по всему зданію, перелетаетъ быстро на сосѣдніе дома. Въ эти минуты человѣку остается только безмолвно почти смотрѣть на совершающееся предъ нимъ. Нѣчто подобное представляла собою и толпа въ данный моментъ. Стоялъ страшный, невообразимый шумъ. Кто плакалъ, кто громко рыдалъ, кто падалъ на полъ, кто стоялъ въ безмолвномъ оцѣпененіи. Многіе вслухъ предъ всѣми исповѣдовали свои грѣхи, нѣсколько не стѣняясь тѣмъ, что ихъ всѣ слышали: „Не молимся, ругаемся, сердимся, гнѣвливы, злы“ и т. п. доносилось изъ всѣхъ частей храма. Трогательно было смотрѣть въ это время на о. Іоанна. Онъ стоялъ, глубоко растроганный и потрясенный всѣмъ. Уста его шептали молитву, взоръ былъ обращенъ къ небу. Стоялъ онъ, молча, скрестивши руки па груди, стоялъ какъ по-

средникъ между небеснымъ Судіей и кающимися грѣшниками, какъ земной судія совѣстей человѣческихъ. По лицу его катились крупныя слезы. Онъ закрылъ свое лицо руками, но и изъ-подъ нихъ капали на холодный церковный полъ крупныя слезы. О чемъ же онъ плакалъ? Кто можетъ изобразить его душевное состояніе въ эти минуты? О. Іоаннъ плакалъ, соединяя свои слезы съ слезами народа, какъ истинный пастырь стада Христова, скорбѣлъ и радовался душою за своихъ пасомыхъ. А эти овцы заблудшія, грѣшныя, увидя слезы на лицѣ своего любимаго пастыря и понявъ состояніе его души въ настоящія минуты, устыдились еще больше самихъ себя и разразились еще большими рыданіями, воплями, стономъ, и чистая рѣка слезъ покаянія потекла еще обильнѣе къ престолу Божію, омывая въ своихъ струяхъ загрязненныя души. Громадный соборъ наполнился стономъ, криками и рыданіями, казалось, весь храмъ дрожалъ отъ потрясающихъ воплей людей. „Кайтесь, кайтесь“, — повторялъ отъ времени до времени о. Іоаннъ. Иногда онъ обращался своимъ взоромъ въ какую-либо одну часть храма и тамъ всё чувствовали на себѣ его взоръ. Тотчасъ въ этомъ мѣстѣ начинали громче раздаваться голоса, замѣтно выдѣляясь въ общемъ хорѣ голосовъ и заражая еще болѣе толпу. Потомъ опять вездѣ царилъ одинъ тонъ, чтобы услышиться снова тамъ, куда обратится своими взорами о. Іоаннъ. Въ такомъ состояніи кающіеся находились не менѣе пяти минутъ. Наконецъ о. Іоаннъ отеръ свои слезы красненькимъ платкомъ, перекрестился въ знакъ благодарности за слезы покаянныя народныя. „Тише, тише, братья“, — слышится его голосъ. Не скоро въ храмъ водворяется желательная тишина. Но мало по малу все смолкаетъ. Слышны одни только вздохи да слезы струятся по щекамъ то тамъ, то здѣсь. „Слушайте“, — говоритъ протяжно о. Іоаннъ. Мпѣ, какъ и всѣмъ священникамъ, Богъ даровалъ власть вязать и разрѣшать грѣхи человѣковъ... Слушайте, прочитаю молитву разрѣшительную. Наклоните головы свои: я накрою васъ епитрахилью, благословлю и получите отъ Господа прощеніе грѣховъ“. Тысячи головъ смиренно преклощаются, читается разрѣшительная молитва. Беретъ о. Іоаннъ конецъ своей епитрахили, проводитъ имъ по воздуху па всѣ четыре стороны и благословляетъ народъ. Какая торжественная и таинствен-

ная минута! Примиряется небо съ землею! Послѣ разрѣшительной молитвы всѣмъ чувствовалось какъ то особенно легко. Какъ будто бы громадное какое бремя свалилось съ груди. Эти минуты живо папомнили миѣ минуты счастливаго, радостнаго, чистаго и беззаботнаго, святаго дѣтства. Радостный, освобожденный отъ тяжкаго бремени грѣховнаго, народъ вздохнулъ свободно и со слезами благодарности смотрѣлъ на кроткое, сіяющее духовнымъ торжествомъ лицо своего добраго „батюшки“ пастыря, который вывелъ такъ благодѣтельно своихъ овецъ изъ мрачныхъ дебрей грѣха на свѣтлый путь добродѣтели, къ лучезарному дому Отца небеснаго.

Люди, заслуживающіе всякаго вниманія и довѣрія, намъ рассказывали нѣчто весьма любопытное относительно общей исповѣди о. Іоанна. Въ то время, когда народъ приносить искреннее и глубокое покаяніе въ своихъ грѣхахъ, нѣкоторые изъ богомольцевъ видятъ на солеѣ Спасителя благословляющимъ народъ и разрѣшающимъ его отъ всѣхъ грѣховъ. Объ этомъ недавно сообщалось даже и въ печати.

Затѣмъ послѣдовала вынось Пречистыхъ и Животворящихъ Таинъ Христовыхъ. Послѣ громогласнаго прочтенія всѣми молитвы „Вѣрую, Господи, и несповѣдую“ началось благоговѣйное причащеніе Тѣла и Крови Христовыхъ благодатно приѣмлемыхъ очищенными и примиренными съ Богомъ душами. Болѣе двухъ часовъ длилось причащеніе многочисленнаго народа. Послѣ благодарственной молитвы о. Іоаннъ вышелъ на амвонъ съ крестомъ и радостнымъ возгласомъ поздравилъ всѣхъ съ принятіемъ святѣйшихъ Таинъ Христовыхъ, во вѣки вѣковъ служащихъ освященіемъ и очищеніемъ душъ нашихъ.

Сіяющій радостью народъ, съ безпредѣльною и восторженною любовію къ своему дорогому паставнику, единодушно, искренно горячо благодарилъ его за поздравленіе. Приложившись къ св. кресту, всѣ спѣшили по домамъ, чтобы встрѣтить тамъ дорогаго пастыря, ежедневно посѣщающаго своихъ пасомыхъ въ квартирахъ для пріѣзжающихъ. Мы пришли домой почти уже въ 12 часовъ.

В. М.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Село Казнево
23 Іюня
1893 года.